

1909

| 1 Ш |

30.V 09

Многоуважаемый господин профессор!

Я была бы очень благодарна, если бы Вы смогли дать мне маленькую аудиенцию! Речь идет о крайне важном для меня деле^[1], услышать о котором Вам, вероятно, будет интересно.

Если это возможно, я хотела бы просить Вас сообщить мне о подходящем для Вас часе несколько заранее, поскольку я работаю младшим врачом в местной клинике^[2] и, таким образом, мне пришлось бы позаботиться о замене на время моего отсутствия.

Возможно, Вы представили себе смелую искательницу славы, которая хочет принести Вам свою увечную «всемирно известную» работу, или нечто в этом роде^[3].

Нет, не это ведет меня к Вам.

Вы тоже поставили меня в затруднение.

С почтением⟨,⟩

в ожидании благосклонного ответа

С. Шпильрейн

Панс⟨ионат⟩ Хоенштайн⟨,⟩ Платтенштрассе 33

Цюрих

[1] Речь идет о разрыве отношений Шпильрейн с К.Г. Юнгом, случившимся в марте 1909 года. См. описание этих событий

ниже в письме от 10 июня 1909 года. Юнг, Карл Густав [Jung, Carl Gustav] (1875–1961) — швейцарский психиатр, создатель направления «аналитическая психология». В 1904–1905 годах был лечащим врачом Шпильрейн, затем ее близким другом.

- [2] В психиатрической университетской клинике Цюриха — Бургхёльцли.
- [3] Фрейд, еще не зная деталей ситуации, пишет 3 июня 1909 года К.Г. Юнгу, задаваясь вопросом о прояснении: «<...> Я, конечно, сумел объяснить себе Ваше молчание и дал бы Вам еще время, если бы одновременно с Вашим письмом не пришло другое, которое я прилагаю. Как странно! Что это? Важничанье, сплетничество или паранойя? Прошу Вас в нескольких словах телеграфировать мне, если Вы что-то знаете о писавшей или имеете суждение по этому делу, но в противном случае, конечно, не надрывайтесь. Ваше молчание я пойму в том смысле, что Вы ничего не знаете. <...>» (Freud, 1974a [1906–13]. S. 229–230). Таким образом, он высылает данное письмо Юнгу и получает от того ответ 4 июня 1909 года с разъяснениями (см. прим. 1 к письму 2 Ф).

4.6.09

Проф. д-р Фрейд

Вена, IX, Берггассе 19.

Многоуважаемая фрл. коллега(!)

Вы ставите меня в затруднение. Я ведь не могу попросить Вас приехать в Вену из-за дела, которое, согласно тексту Вашего письма, по сути находится в *моих* собственных интересах.

Я, правда, не могу предположить, что это может быть за дело^[1], и как у Вас возникло искушение предложить мне эту жертву. Таким образом, я прошу Вас сначала письменно известить меня, о чем идет речь, чтобы я мог образовать суждение о целесообразности Вашего приезда либо иметь немного времени, чтобы самому это обдумать^[2].

С почтением(,) преданнейший
Фрейд

[1] Ср. письмо Юнга Фрейдю от 4 июня 1909 года, где он поясняет свои отношения со Шпильрейн: «Шпильрейн — та самая персона, о которой я Вам писал. Она сокращенно упоминается в моем блаженной памяти амстердамском докладе¹. Это был, скажем так, мой психаналитический² школьный случай, поэтому я сохранял к ней особую благодарность и аффекцию. Поскольку я по опыту знал, что если откажу ей в содействии, у нее сразу случится рецидив, эта связь затянулась на годы, и я в конечном счете мнил себя морально обязанным вверять ей свою дружбу, пока не увидел, что тем самым ненамеренно запустил в движение, из-за чего оборвал все сношения. Она, конечно, планомерно метила меня совратить, что я считал неуместным. Теперь она хочет отомстить. Недавно она распустила слух, будто я в скором времени разведусь с женой и женюсь на определенной студентке, что привело некоторых

¹ [Jung, 1907.]

² [sic!]

моих коллег в известное волнение. Что она планирует сейчас, мне не ясно. Ничего хорошего, как я предполагаю; должно быть, она намерена использовать Вас для попытки примирения. Едва ли нужно говорить, что я окончательно обрубил все концы. Она, как Гросс¹, — случай одоления отца, который я хотел излечить *gratis*² (1), запасшись столькими центнерами терпения, черт побери, и для этого сам злоупотребил дружбой. Для этого, конечно, еще один комплекс услужливо вставил мне крепкую палку в колеса. Как я уже говорил Вам однажды в общих словах, мое первое посещение Вены имело *очень* долгую бессознательную постлюдию, сначала навязчивая влюбленность в Аббацци, потом эта еврейка всплыла в другой форме, а именно в образе моей пациентки. Сейчас, конечно, все это колдовство ясно лежит у меня перед глазами. При всем этом у меня слишком часто в голове витали идеи о Гроссе. <...> Гросс и Шпильрейн — это горький опыт. Ни одному из моих пациентов я не дарил в такой мере свою дружбу, и ни от одного я не пожал схожей боли» (Jung, 1974. S. 252–253).

- [2] Свою позицию, изложенную в данном ответе Шпильрейн, Фрейд комментирует в письме К.Г. Юнгу от 7 июня 1909 года: «Дорогой друг / Поскольку мне известна Ваша личная заинтересованность в деле Шпильрейн, пишу Вам новости об этом, на что Вам, конечно, отвечать необязательно. / Вашу телеграмму³ я понял правильно, разъяснение совпало с моим предположением. Таким образом, после получения телеграммы я написал Шпильрейн письмо, в котором притворился настолько глупым, будто мне нужно было бы судить о предложении своих услуг сверхъярой энтузиасткой. Я писал, что все же не могу взять на себя ответственность за ее поездку, при которой речь идет о чем-то по сути интересном для меня, также не знаю, как она пришла к такому пожертвованию, и, следовательно, прошу прежде всего письменного сообщения о том, какого рода ее дело. Ответ на это еще не пришел. / Такой опыт, пусть и болезненный, необходим, и от него трудно уберечься. Только так познается жизнь и дело, которым занимаешься. Сам я, правда, не попадал совсем впросак, но несколько раз был очень близок к этому и had a narrow escape⁴. Я полагаю, лишь жестокие необходимости, которым подчинялась моя работа, и десятилетнее опоздание по сравнению с Вами, с которым я пришел к ПСА, сохра-

¹ [Гросс, Отто [Groß, Otto] (1877–1920) — швейцарский невролог, психоаналитик, писатель.]

² [Gratissime (лат.) — безвозмездно.]

³ [Текст не известен.]

⁴ [Had a narrow escape (англ.) — едва спасся.]

нили меня от тех переживаний. Но ничего. Так грубеет кожа, так справляются с “контрпереносом”, в который все равно каждый раз попадаешь, и учатся смещать собственные аффекты и находить для них целесообразное место. Это “a blessing in disguise”¹. / “Великолепнейшее” чудо природы представляет собой способность этих женщин пускать в ход все мыслимые психические совершенства как раздражители, пока они не достигнут своей цели. Когда это произойдет или гарантируется противоположность, тогда можно только удивляться изменившейся констелляции» (Freud, 1974a [1906–13]. S. 254–255).

---

¹ [A blessing in disguise (англ.) — неприятность во благо.]

Проф. д-р Фрейд 8.6.09
Вена, IX, Берггассе 19.

Многоуважаемая фрейлейн коллега!

Вследствие Вашего недоговаривания, таким образом, я понял Ваше письмо совершенно неправильно. Но я рад, что попросил Вас предварительно письменно указать^[1], что ведет Вас в Вену, потому что сейчас я без колебаний могу сказать Вам, как бы я отнесся к интересующему Вас делу.

Д-р Юнг — мой друг и сотрудник; я полагаю, что знаю его и в остальном, и вправе допустить, что он не способен действовать легкомысленно или неблагородно. Мне неприятно выступать в роли судьбы в вещах, которые близко его касаются; я не чувствую себя компетентным, и если бы мне это было велено, я не смог бы обойтись без старинного изречения: *Audatur et altera pars*^[2]. Но я думаю, что Вы потребовали бы от меня именно такого судебского свершения. Из приложения^[3] к Вашему письму я могу видеть, что между Вами существовали близкие дружеские отношения, а из настоящей ситуации легко угадать, что их больше нет. Возникли ли они из свершения врачебной помощи, и разожгла ли симпатию потребность помочь душевно угнетенной? Мне хотелось бы так предполагать, потому что я знаю много схожих случаев. Каким образом и по чьей вине все погибло, о том я не знаю, и судить об этом мне не хотелось бы. Но если на основании сделанных выше предпосылок я могу позволить себе обратиться к Вам со словами, то я хотел бы попросить Вас испытать себя, не заслуживают ли чувства, продлившиеся дольше этой связи, подавления и улаживания, я имею в виду: в собственной душе и без внешней акции и привлечения третьих персон^[4].

Прошу Вас не обижаться на эти замечания, если они не верны.

С глубоким уважением⟨,⟩
Фрейд

P. S. Я возвращаю нескромное приложение и хочу лишь сказать, что не вменяю молодому человеку в тяжелую вину несколько мечтательную восторженность, хотя человек постарше и улыбнется такой оценке.

- [1] Данное замечание показывает, что имелось промежуточное письмо Шпильрейн между двумя письмами Фрейда. Это письмо неизвестно. В письме К.Г. Юнгу от 18 июня 1909 года Фрейд частично говорит о содержании этого неизвестного послания: «Фрл. Шпильрейн во втором письме призналась мне, что речь идет о Вашей персоне, но намерения не выдала» (Freud, 1974a [1906–13]. S. 259).
- [2] *Audiat et altera pars* (лат.) — следует выслушать и другую сторону.
- [3] Видимо, речь идет о каком-то письме Юнга, приложенном к данному посланию Фрейду.
- [4] Относительно этого см. в письме К.Г. Юнгу от 18 июня 1909 года, где Фрейд сообщает, что «навел ее [Шпильрейн] на более достойное, скажем так, эндопсихическое улаживание дела. Подойдет ли, не знаю» (Freud, 1974a [1906–13]. S. 259).

10.VI 09.

Многоуважаемый господин профессор!

Простите, что я еще раз Вас отрываю: «Бог троичу любит»^[1]. Вы считаете, что я обращаюсь к Вам, чтобы Вы помирили меня с д-ром Юнгом? Но мы ведь вовсе не ссорились! *Мое самое горячее желание — расстаться с ним, любя.* Я в достаточной мере аналитична, достаточно себя знаю и знаю, что лучшим для меня было бы мечтание à distance^[2]. Подавление чувства для меня не годится, ведь если я сделаю это по отношению к д-ру Юнгу, то я никого не смогу больше любить, если я, напротив, оставлю дверцу открытой, то найдется какой-нибудь юноша, кажущийся более или менее симпатичным, у которого найдется сходство с возлюбленным и который, в конце концов, тоже станет мил. Я опасаясь перед лицом «Фрейда» приводить пример из истории, потому что, возможно, скажу бессмыслицу; но сейчас мне постоянно вспоминаются отношения между Берном^[3] и его возлюбленной. Ведь она могла полюбить другого и выйти замуж и тем не менее всю свою жизнь оставалась верна Берну, она даже постоянно жила с ним духовно. Я, напротив, хотела бы полностью отделиться от д-ра Юнга и пойти собственным путем. Но я смогу это сделать, только если буду настолько свободна, что смогу его любить; если я либо все прощу ему, либо его убью. Меня постоянно преследует фраза: Юдифь [?] любила Олоферна и вынуждена была его убить^[4]. Господин профессор, я совершенно далека от намерения жаловаться Вам на д-ра Юнга! Совершенно напротив: я была бы счастлива, если бы кто-то смог показать мне, что он достоин любви, что он все-таки не подлец. Я больше 3 месяцев все анализировала, я уединилась на природе и так пыталась спасти себя и свой идеал;

наконец, я поговорила с одной коллегой^[5], показала ей все письма, и результатом было, что я почувствовала себя еще гораздо более одинокой, чем прежде, потому что моего возлюбленного было не спасти, и мысль о том, что он мог быть таким никчемным, что он провел на мне первый опыт^[6], и т. д. и т. д., приводит меня в ярость; это перебивает все мои мысли, словно лежит тяжелой крышкой на моей голове, и если бы я хотела чем-то вдохновиться, то достаточно слов «жалкий и никчемный», «Пусть Зигфрид падет»^[7] или, если хотите большего, «поцелуй без последствий стоит 10 франков»^[8] и т. д. и т. д., и мой пыл тут же стихает: «Не слишком загорайся! Это так же отвратительно, как и все в этом мире, даже если издали звучит красиво», «не верь любимому» и т. д. ad infinitum^[9]. Так я оставила себе единственным спасением беседу с человеком, который глубоко его любит и почитает, который обладает глубоким знанием людей, и когда я получила Ваше последнее письмо, сколь бы невыгодным оно для меня ни было, у меня на глазах выступили слезы: «Он его любит! Если бы он смог это понять!» Когда я в предпоследний раз пришла на лекцию^[10] д-ра Юнга, моя коллега заметила, что д-р Юнг внезапно побледнел. Она обернулась и увидела меня, совсем бледную, возле вешалки для одежды. Я вышла, потому что чувствовала, что моя амбиция может подбить меня на глупость. В следующий раз я села напротив него и наблюдала за ним, насколько позволил комплекс^[11]; во мне все бурлило. Выносить такую насмешку от человека, которого 4,5 года любила больше всего на свете, которому дарила лучшую часть души, которому пожертвовала девичью гордость и позволила себя поцеловать и т. д. в первый и, возможно, последний раз в моей жизни, ведь я попала к нему на лечение совершенно наивным маленьким ребенком^[12]... Я говорила ему, что никто со мной на такое не отваживался, и т. д. —

На сегодня достаточно, господин профессор, потому что завтра в 5 ч. я должна начать «исполненный тяжелыми обязанностями» день.